

С наступлением сумерек Чжао Синчуань всё ещё сидел за компьютером в своём кабинете на последнем этаже башни «Горы и Реки». В комнате царил полумрак — увлекшись работой, он совсем забыл включить свет.

Наконец глаза нестерпимо резало, очертания предметов на экране расплылись, а между бровей зародилась тупая, ноющая боль. Синчуань оторвал пальцы от клавиатуры и устало потёр переносицу.

Он работал без передышки уже несколько дней. Из-за перемен на международной арене зарубежные проекты группы компаний «Горы и Реки» требовали экстренной перестройки. Как исполнительный директор, он был обязан лично вникать в каждую деталь и тщательно взвешивать каждое решение.

Лавина дел росла с каждым часом. Синчуаня спасала давняя бессонница: без сильных лекарств он всё равно не мог уснуть, поэтому в последние дни просто отказался и от снотворного, и от отдыха.

Он спал от силы четыре часа в сутки, проводя за работой почти двадцать. Организм уже работал на пределе возможностей.

В дверь негромко постучали. Не поднимая головы, он бросил:

— Войдите.

В кабинет заглянула Линь Жунжун — его первый помощник и единственная женщина в ближайшем окружении. Обаятельная, проницательная и невероятно собранная, она была его правой рукой и справлялась с обязанностями лучше любого мужчины.

— Господин Чжао, ваш чай.

Жунжун бесшумно прошествовала к столу на своих шпильках — она знала, что натянутые как струны нервы начальника сейчас не вынесут лишних звуков. Поставив чашку ароматного чая у него под рукой, она не спешила уходить. Прислонившись к краю стола, помощница сделала глоток из своего бокала и мягко произнесла:

— Самое сложное позади, господин Чжао. Теперь вам нужно отдохнуть, а остальное мы возьмём на себя.

— Всё в порядке, — Синчуань поднял на неё усталый взгляд и слабо улыбнулся. — Пока не закрою все вопросы, я всё равно не смогу расслабиться.

Будь Линь Жунжун увлечена мужчинами, она бы непременно влюбилась в своего босса. За годы совместной работы её первоначальное мнение о нём как о праздном наследнике богатого

семейства рассеялось без следа. Она видела, как он отвоёвывал потерянные рынки, планомерно уничтожая одного конкурента за другим. На её глазах величие империи Чжао возводилось заново, словно неприступный замок, растущий из фундамента. Подобный масштаб личности восхищал и завораживал.

Но, увы, Жунжун предпочитала женщин. А ещё больше — собственную свободу.

— Как знаете, шеф. Но поберегите себя — никому не нужен инфаркт на рабочем месте. В новостях то и дело пишут о внезапных смертях от переутомления. Вы не смыкали глаз несколько суток. Сделайте перерыв хотя бы на эту ночь, а завтра продолжите со свежей головой.

Синчуань поднялся из кожаного кресла и подошёл к панорамному окну, давая глазам передышку. Башня «Горы и Реки» высилась в самом сердце делового Суйяна. Вокруг громоздились небоскрёбы, чьи окна светились мириадами огней. В этот поздний час в городе кипела жизнь: в офисах трудились сотни таких же полуночников, а на улицах внизу бурлил поток тех, кто искал развлечений.

Внезапно он вспомнил глубокие янтарные глаза. Чжао Синчуань усмехнулся про себя: похоже, все его настойчивые знаки внимания пропали даром.

— О чём задумались, шеф? — с улыбкой полюбопытствовала Жунжун. — Неужели о ком-то особенном?

— Возможно, — уклонился от прямого ответа Синчуань и тут же перевёл тему: — Лучше расскажи, как продвигается музыкальный проект в развлекательной компании «Горы и Реки»?

Линь Жунжун мгновенно отбросила шутливый тон, перестроившись на рабочий лад.

— Мы связались с несколькими перспективными студентами консерватории. Большинство ухватились за наше предложение обеими руками. Но двоих прямо из-под носа увела студия звукозаписи «Синий ветер». Когда я попыталась встретиться с ними во второй раз, они просто проигнорировали встречу.

— «Синий ветер»? — Синчуань слегка приподнял бровь. Старейший звукозаписывающий гигант раньше брезговал охотой в стенах вузов.

Их визитной карточкой всегда были грандиозные вокальные телешоу и конкурсы, где они искали уже готовые таланты.

— Время диктует свои правила, — кивнула Жунжун. — На одних ветеранах сцены им больше не выехать. К тому же сейчас глупо отказываться от быстрых денег на дешёвом хайпе.

Синчуань задумчиво кивнул. Жунжун не успела просчитать ход его мыслей, когда он неожиданно спросил:

— Тебе приходилось бывать на улице Цинси?

— Да, года три назад.

Конечно, она там бывала. Три года назад она занимала скромную должность младшего клерка, работы было меньше, а энергии — хоть отбавляй. Улица Цинси с её бесконечными клубами и барами манила всю золотую молодёжь города.

Но зачем исполнительному директору интересоваться этим злачным местом?

Быстро сопоставив факты, Жунжун осторожно заметила:

— В тамошних заведениях полно уличных и клубных музыкантов. Ребята молодые, симпатичные. Вот только репутация у них частенько сомнительная — крутятся в полулегальной сфере. Консерваторские выпускники в этом плане куда чище и надёжнее.

— Возможно, — Чжао Синчуань нахмурился.

Заметив тень недовольства на его лице, Жунжун мгновенно всё поняла: шеф явно встретил там кого-то, кто задел его за живое.

— Впрочем, мои сведения устарели, — тут же сгладила углы помощница. — После позапрошлогодней смены городского руководства там провели масштабные чистки. Сейчас на Цинси всё вполне пристойно. Давайте сделаем так: как только мы разберёмся с зарубежными филиалами, я лично съезжу туда и разведу обстановку.

Синчуань согласно кивнул, и его внимание вновь переключилось на отчёты.

Группа компаний «Горы и Реки» начинала как внешнеторговое предприятие. Позже, поймав волну зарождающегося IT-бума, её основатели не поскупились на десятикратные оклады, чтобы переманить лучшие умы страны. Те специалисты выросли вместе с компанией, обеспечив семье Чжао незыблемое финансовое могущество на десятилетия вперёд.

Сегодня конгломерат разросся до невероятных масштабов, проникнув во все сферы бизнеса.

И всё же импорт и экспорт по-прежнему составляли основу их благосостояния. В этих вопросах Синчуань не имел права на ошибку. Стоило ему оступиться хоть раз, как алчные родственники — многочисленные дяди и кузены — вцепились бы в него мёртвой хваткой. Семья Чжао никогда не знала мира, а борьба за власть за кулисами империи не прекращалась ни на день.

— Шеф, вам действительно пора спать. Комната отдыха всего в двух шагах, — мягко напомнила Линь Жунжун перед уходом.

Слово «комната» слабо подходило для роскошных жилых апартаментов, оборудованных прямо за стеной кабинета. По сути, это был второй дом Синчуаня.

— Иди, — негромко произнёс он.

После ухода помощницы он бессильно опустился в кресло. На экране телефона светилось время: 23:03.

Он снова почувствовал сильную сухость в глазах, перед взором поплыли тёмные круги.

Организм сдался. Синчуань перебрался в спальню, рухнул на кровать и зарылся в прохладный шёлк простыней. Но уплывающий разум никак не мог провалиться в спасительное забытие.

Он ворочался, менял позы, но всё казалось неудобным: подушка давила на ухо, одеяло душило жаром. Мысли, хаотичные и навязчивые, как фигурки в «Тетрисе», заполняли сознание, не оставляя места покою.

Наконец он раздражённо сел, нащупал в кармане пиджака серебристую таблетницу и торопливо проглотил пилюлю, запив глотком воды.

Лишь полчаса спустя химическое онемение сковало его разум, утягивая в тяжёлый, тревожный сон.

Ему приснился сон.

Он снова вернулся в тот день, когда впервые встретил Цзян Минъи.

Даже сквозь пелену сновидения Синчуань отчётливо помнил: Минъи уехал из страны три года назад. Сейчас ему должно быть двадцать четыре. Как он там, на чужбине?

Их знакомство произошло на одном из пафосных, смертельно скучных светских приёмов в честь чьего-то дня рождения. Единственным ярким пятном того вечера был Цзян Минъи.

Тогда девятнадцатилетний юноша казался воплощением чистой, возвышенной красоты. Самому Синчуаню едва перевалило за двадцать; он только начинал свой путь в семейном бизнесе и явился на этот вечер исключительно ради завязывания нужных знакомств.

В разгар торжества Минъи вышел на середину зала со скрипкой и сыграл небольшую пьесу.

Если бы всё ограничилось этим выступлением, Синчуань сохранил бы лишь мимолётное эстетическое восхищение. Но то, что случилось позже, навсегда выжгло образ юноши в его памяти.

Молодой, упрямый и презирующий светскую фальшь Синчуань быстро устал от пустой болтовни. Сбежав под благовидным предлогом из душного зала, он отправился искать уединения в саду. Среди декоративных прудов, тенистых беседок и мостиков до него донеслись тихие, берущие за душу звуки скрипки. Он сразу понял, кто играет.

Повинуясь порыву, Синчуань пошёл на звук, пробираясь сквозь бамбуковые заросли. Мелодия вела его в глубь искусственного лабиринта из дикого камня. Весенний ночной ветер приятно охлаждал кожу, а хмель от выпитого вина медленно поднимался к голове, рождая в груди щемящее чувство одиночества.

Он блуждал в полумраке тесных каменных переходов. Он то и дело задевал лицом влажные лепестки диких ирисов и ландышей, ютившихся в расщелинах, а сверху спускались гибкие ветви плюща, заставляя его пригибаться.

Когда ему показалось, что он окончательно заблудился, тропинка неожиданно вывела его на залитую лунным светом поляну.

В самом центре каменного лабиринта возвышалась стена из белоснежного мрамора. У её подножия раскинулся старый, пышный куст плетистой розы. Нежно-розовые бутоны качались на ветру, усыпав холодный камень живым ковром.

И там, под сенью цветущих роз, стоял Цзян Минъи. Он стоял с закрытыми глазами, прижав подбородок к инструменту, и его тонкие пальцы с невероятной нежностью извлекали из струн протяжные, плачущие звуки.

Юноша казался неземным созданием, сотканным из чистого лунного света. Наследник богатого рода, рождённый для роскоши и обожания, он играл так, словно во всём мире не было существа более одинокого, чем он.

От этого зрелища хмель мгновенно выветрился из головы Синчуаня, а сердце забилось чаще. Он замер, боясь пошевелиться, пока не затих последний аккорд. Не выдержав, он негромко произнёс:

— Это было прекрасно.

Минъи вздрогнул и открыл глаза. Магия рассеялась; на него снова смотрел холодный, замкнутый юноша.

— Спасибо, — коротко бросил он и поспешил уйти. Но Синчуань не собирался так просто

сдаваться — он бросился следом, на ходу придумывая любые предлоги для продолжения разговора.

С того памятного вечера Синчуань начал планомерную осаду. Пользуясь общими знакомствами, он шаг за шагом внедрялся в окружение Минъи. Он очаровал его родителей, умело используя деловые связи, и вскоре стал желанным гостем в их доме.

Поначалу Минъи оставался глух к его ухаживаниям, но терпение Синчуаня принесло плоды: юноша привык к его постоянному присутствию и постепенно ослабил защиту.

Они стали невероятно близки.

В день двадцатиднолетия Минъи Синчуань решился на отчаянный шаг — заручившись поддержкой будущих тестя и тёщи, он сделал ему предложение.

Ответ Минъи прозвучал как приговор:

«Я не могу принять твоё предложение. Моя жизнь принадлежит только музыке».

Вскоре после этого он уехал за границу, оборвав все контакты. Он сменил номера телефонов и адреса почты, а его родители лишь разводили руками, признавая, что сын принял бесповоротное решение вычеркнуть Синчуаня из своей жизни.

Прошло три года. Три года глухого молчания. Вспоминая о нём, Синчуань до сих пор испытывал мучительную смесь любви и глухой обиды. Те два года ухаживаний будто выжгли его изнутри, лишив способности искренне увлекаться кем-то ещё. Да, позже случались мимолётные увлечения, но они гасли быстрее, чем успевали разгореться.

Синчуань резко открыл глаза. На экране телефона светилось время — прошло всего три часа. Действие снотворного закончилось раньше времени.

Он сел на постели, зажав виски ладонями. В гудящей голове неожиданно возник образ совершенно другого человека — Чжоо Чэня.

После того утра в больнице они больше не виделись. Юноша клятвенно обещал вернуть долг, но с тех пор не подавал о себе никаких вестей.

Глубоко в душе он предвидел такой исход, но реальность всё равно оставила горький осадок. Синчуань поймал себя на мысли, что до последнего надеялся на лучшее — надеялся, что этот парень окажется чист и не имеет отношения к грязи ночной жизни.

Но чего ещё ожидать от обычного певца из дешёвого бара? Стоит ли искать благородство там,

где выживают любой ценой?

В ушах снова прозвучали слова Жунжун: «Они крутятся в полулегальной сфере...»

Полулегальная сфера. Серые схемы.

Чжао Синчуань закрыл глаза, вспоминая янтарные глаза Чжоо Чэня — так похожие на глаза Минъи, — его хриловатый, манящий голос на сцене и нарушенное обещание.

На душе стало скверно и беспокойно.

— Маленький негодяй, — наконец тихо процедил он сквозь зубы.

Кто же ты такой на самом деле?

<http://bllate.org/book/18248/1746596>